

<https://doi.org/10.30853/manuscript.2019.6.37>

Матаков Константин Анатольевич

ПРИНЦИП SOLA SCRIPTURA В РАННЕМ ПРОТЕСТАНТИЗМЕ

Статья раскрывает сущность принципа "только Писание" в богословии ранней Реформации. Обращается особое внимание на то, что этот принцип означал критическое отношение к католическому пониманию церковного предания и самодовлеющую роль Библии в протестантизме. Однако в действительности уже главные богословы Реформации вынуждены были наряду с акцентированием главного значения Писания подчеркивать роль церковной нормы при толковании Писания, значение литургической традиции и, следовательно, создавать свое, уже протестантское предание, в результате чего было выявлено внутреннее противоречие принципа Sola Scriptura.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/9/2019/6/37.html

Источник

Манускрипт

Тамбов: Грамота, 2019. Том 12. Выпуск 6. С. 179-182. ISSN 2618-9690.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/9.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/9/2019/6/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: hist@gramota.net

Философия религии и религиоведение

Philosophy of Religion and Religious Studies

УДК 1; 2; 28; 284

Дата поступления рукописи: 03.03.2019

<https://doi.org/10.30853/manuscript.2019.6.37>

Статья раскрывает сущность принципа «только Писание» в богословии ранней Реформации. Обращается особое внимание на то, что этот принцип означал критическое отношение к католическому пониманию церковного предания и самодовлеющую роль Библии в протестантизме. Однако в действительности уже главные богословы Реформации вынуждены были наряду с акцентированием главного значения Писания подчеркивать роль церковной нормы при толковании Писания, значение литургической традиции и, следовательно, создавать свое, уже протестантское предание, в результате чего было выявлено внутреннее противоречие принципа Sola Scriptura.

Ключевые слова и фразы: протестантизм; Реформация; богословие; церковь; Писание; католичество; религия.

Матаков Константин Анатольевич, к. филос. н., доцент
Брянский государственный университет имени академика И. Г. Петровского
matakow@yandex.ru

ПРИНЦИП SOLA SCRIPTURA В РАННЕМ ПРОТЕСТАНТИЗМЕ

Как известно из истории христианства, в XVI веке в лоне Католической церкви возникает реформационное движение, приведшее к возникновению протестантских конфессий, до сих пор оказывающих мощное влияние на историю человеческой цивилизации. В связи с этим до сих пор **актуальным** является понимание того, чему учили и учат протестанты в отличие от других христиан. Следовательно, было бы целесообразным проанализировать реформационное учение о Библии, которое является одним из краеугольных камней протестантизма. Мы видим нашу **задачу** в том, чтобы рассмотреть учение Sola Scriptura (только Писание) в раннем протестантизме и показать его в контексте противостояния католической традиции. До сих пор эта доктрина исследовалась лишь в контексте протестантского примата Писания над Преданием в Римской церкви. Мы хотим показать, что само это понимание Библии уже в раннем протестантизме было внутренне противоречивым и фактически привело к отказу от абсолютной исключительности Писания и созданию нового, протестантского Предания. Изначально этот принцип был связан с Лютеранской церковью, и современный лютеранский теолог Роберт Пройз называет принцип Sola Scriptura паролем для каждого лютеранина [7, с. 23].

Действительно, Лютер неоднократно высказывался в духе исключительности Священного Писания для формулировки богословских доктрин: «Таким образом, Писание – само себе свет. Прекрасно, когда Писание толкует само себя» [Цит. по: 3]. Точно так же, по крайней мере, в ранний период творчества, Лютер допускал, что толковать Библию может каждый человек: «...мы ведь все христиане, как отмечено выше; у всех у нас одна вера, одно Евангелие, одно Причастие. Как же можем мы не обладать и властью воспринимать и судить, что истинно или неистинно в вере?» [4]. Однако в полном смысле слова принцип «только Писание» сформулирован лишь в Формуле согласия в 1577 году: «...единственным и абсолютным правилом и стандартом... являются только пророческие и апостольские Писания Ветхого и Нового Заветов... другие же писания древних или современных учителей, кем бы они ни были созданы, не должны расцениваться как равные Святым Писаниям, но все они вместе взятые должны быть подчинены им» [9].

Тем самым точка зрения Лютера стала догматом Лютеранской церкви, как и другие его новации в богословии, например учение о вездесущности Тела Христова. Разумеется, эта позиция Лютера относительно абсолютизма Писания объяснима, исходя из сильного отторжения католической доктрины, которая в своем церковном предании опиралась на некие документы (в частности, «Константинов дар» и другие), обосновывавшие светскую власть Папы. Закон маятника, как это нередко бывает в истории мысли, вновь сработал. Когда, в пятом столетии, крайности пелагианского учения, отрицавшего особую роль благодати в спасении и делавшего слишком большое акцент на человеческих усилиях, породили другую крайность – доктрину предопределения у Августина, фактически отрицавшего человеческую свободу в спасении (впоследствии это учение Августина очень пригодится лидерам Реформации). В данном же случае слишком сильный акцент

Католической церкви на внебиблейские источники и попросту на поддельные документы (как «Константинов дар») породил иную крайность: никакого Предания в лице церковной традиции – таково «предание Лютера» [8, с. 615]; только Писание! Все ясно и логично: Бог индивидуально просвещает каждого верующего, и он истинно трактует Библию. Вот только между верующими постоянно возникают разногласия, часто по фундаментальным вопросам, и как же быть тогда – кто будет решать, где истинное просвещение Духа, а где – лжеоткровения? В христианстве для этого всегда существовали церковные соборы, ибо христиане были убеждены, что только Церковь как Тело Христово непогрешима, а отдельные люди, увы, погрешают.

В протестантизме с этим сразу возникли сложности – протестантская теория спасения гласила, что каждый спасается мгновенно, по вере, Бог мгновенно прощает ему все грехи, и, по крайней мере, в юридическом смысле, каждый верующий может считаться святым, да и не только в юридическом [2]. Здесь непогрешимость проявляется хотя бы в том, что все грехи заранее тебе прощены. Соответственно, она может проявляться и в толковании Библии – отсюда и мнение, что каждый человек способен понять библейские истины, читая текст Писания. И снова наблюдается «закон маятника»: срабатывало противопоставление бедных верующих, страдавших под гнетом папства – искажившей истину Католической церкви. Если католичество, как полагал Лютер, почти 15 веков ошибалось в понимании сути христианского учения, состоявшейся в «оправдании по вере», то на этом фоне рядовой верующий казался скорее жертвой; ошибались они – папа, епископы, монахи, а мы просто терпели их искажения, болели болезнями, которыми они нас заразили. Такая программа, вылившаяся в доктрину всеобщего священства мирян, казалось, не просто повышала статус отдельного верующего, но и придавала его действиям по реформированию Церкви известную непогрешимость [10, с. 234]. Стало быть, рядовому верующему не нужен надсмотрщик в лице папы, епископов и вообще всей католической иерархии – он и сам способен узреть спасительные догматы в Писании.

Но между верующими накапливались разногласия. Причем не просто между верующими, а между вождями Реформации. Скажем, поначалу Лютер приветствовал реформаторскую деятельность Ульриха Цвингли в Швейцарии, но когда он внимательнее ознакомился с учением Цвингли, выяснилось, что «дьявол прячется в деталях» – доктрина швейцарца в деталях порой довольно существенно расходилась со взглядами Лютера. Как же так: оба признанных вождя Реформации казались просвещенными Святым Духом, оба учили спасению по вере и критиковали католичество, но к согласию так и не смогли прийти? Значит, само по себе чтение Библии не только рядовым верующим, но даже и лидером Реформации не гарантирует истины? Уже этот факт способен был сильно поколебать тезис «только Писание». И когда Лютер встретился с Цвингли во время Марбургского диспута в 1529 году, от былого единства с цюрихским реформатором не осталось и следа. Три дня диспута не дали никаких результатов. Стороны были согласны с доктриной оправдания по вере и с тем, что большинство католических таинств должно быть упразднено; не было особых разногласий и по вопросу о предопределении. Упрощение обрядности Римской церкви тоже не вызывало бурной дискуссии. Но вот по вопросу о причастии разногласия оказались непреодолимыми. Речь шла о евангельских словах Христа «сие есть Тело Мое».

Для Лютера этот текст означал буквальную трактовку: хлеб Евхаристии есть Тело Христа. Для Цвингли, однако, трактовка этого места была другой и прямо противоположной: «это обозначает Моё Тело» – иными словами, хлеб Евхаристии – символ Тела Христа. Серьезность разногласий между вождями реформы относительно таинств не только разделила Реформацию на два течения. Она продемонстрировала, как трудно достичь согласия по поводу толкования даже тех мест Писания, которые Лютеру казались наиболее понятными. Оптимизм 1519-1529 годов (до Марбургского диспута с Цвингли), что любой христианин мог понимать Писание, сменился к 1530-м гг. относительным пессимизмом: всё больше преобладало мнение, что для правильного понимания Писания необходимо хорошо знать еврейский, греческий и латынь [5, с. 189]. Характерно, что в этом вопросе Лютер проявляет себя как упрямый католик: для него без Евхаристии нет Церкви, он не может себе представить жизнь верующего без причастия Телу и Крови Христовым, что можно объяснить его монашеским опытом. Будучи монахом, он привык регулярно причащаться и видел в этом благодатный опыт своей жизни в Боге. Для Цвингли, наоборот, Евхаристия – всего лишь знак Тела Христа, воспоминание о Его Жертве, и он искренне не понимал, для чего Лютеру оставлять римское понимание причастия.

Увы, но попытка Лютера найти выход в знании языков и правил экзегетики очень быстро натолкнулась на неодолимые препятствия. Во-первых, это противоречит его же собственной теории об индивидуальном просвещении Духом каждого верующего – получается, что теперь без выдающихся познаний в филологии «просвещение Духа» ничего не значит? Или, быть может, Дух дает всем верующим дар знания языков? Это уже похоже на пятидесятников, но Лютер такому не учил. Во-вторых, среди коллег Лютера по швейцарской Реформации были люди, знавшие библейские языки и латынь, но их интерпретация Библии все равно была иной. С тех пор ничего не изменилось – среди лютеран, англикан, реформатов есть люди, знающие все эти языки и хорошо знакомые с библеистикой, но трактовки Библии остаются далеко не одинаковыми, мягко говоря. Почему? Да потому что различаются богословские традиции в толковании Библии.

И проблема не только в этом. Она еще и в том, что уже во времена Лютера рядовые верующие, которым, как предполагалось, Сам Дух сообщает непогрешимые трактовки Писания, вели себя как-то не очень свято – скажем, во время Крестьянской войны. Да и анархия в трактовках Библии была выдающаяся, разногласия среди протестантов стали притчей во языцех – как же быть? Английский историк Реформации Макграт пишет: «Реформация соглашалась с тем, что каждый человек обладал правом толковать Писание, однако... крестьянское восстание 1525 г., похоже, убедило некоторых... в том, что отдельные верующие (особенно

германские крестьяне) были просто не в состоянии толковать Писание» [Там же, с. 192]. Но такая позиция уже не так сильно отличается от католиков. Скажем, школьные правила Вюртемберга гласили, что лишь самые способные ученики получали право изучать Новый Завет в последнем классе при условии, что обучение велось на греческом и латинском. Остальные изучали «Малый катехизис» Лютера. Иными словами, прямое толкование Библии становилось уделом небольшой образованной группы. Главное было – придерживаться богословия Лютера. Принцип «ясности Библии» был несколько дезавуирован в свете использования Библии более радикальными протестантами. И тогда мнение, что каждый человек может верно трактовать Библию, полностью перешло к радикальной Реформации [Там же].

Но это ведь по сути – практически возвращение к традиционному принципу Предания. Только вместо церковного предания предлагается «предание Лютера» или кого-то другого из лидеров Реформации, а вместо Папы и католического магистериума – образованная элита из лютеранских богословов. И такое возвращение было неизбежно – надо же было как-то разграничить лютеранскую «истину» не только от католической «лжи», но и от «лжи» революционных протестантов – того же Мюнцера, например. Ведь последний, как и его соратники, отрицали казавшиеся незыблемыми догматы – о крещении детей или о присутствии Тела Христова в причастии. Но для Лютера причастие незыблемо, а значит, он вынужден обращаться к Преданию Церкви, поскольку из принципа «только Писание» традиционная трактовка причастия не следует с необходимостью. Однако радикальных протестантов «дух» просветил в этом вопросе иначе, чем Лютера. И здесь можно констатировать: «Единственным крылом Реформации, которое последовательно применяло принцип “sola Scriptura”, была радикальная Реформация... Для таких радикалов... как Томас Мюнцер... каждый человек, находясь под водительством Святого Духа, обладал правом толковать Писание так, как ему хотелось» [Там же, с. 179]. Тем самым побеждал радикальный индивидуализм, и личное суждение было окончательно поставлено выше соборного мнения Церкви. Радикалы-антитринитарики Реформации даже отрицали учение о Троице и Божественности Иисуса, для которых не находили оснований в Библии. Такой взгляд порождал чехарду догматических формулировок у радикалов, и история радикальной Реформации свидетельствует нам об анархии в этих кругах [Там же, с. 180].

Обратим внимание, что последовательное применение принципа *Sola Scriptura* было именно у радикальных протестантов, которые отрицали таинства, превращая их в простые обряды: если отрицается богообщение в причастии или крещении и в Церкви вообще, то единственный способ общаться с Богом – это читать Библию. Налицо явный рационализм положения «только Библия», отрицание при этом мистики таинств и мистики аскетизма. Писание здесь как последний якорь спасения – последний неискаженный источник общения с Богом (заметим, что если бы Церковь противопоставляла формуле *Sola Scriptura* свою формулу, то это могла быть формула «только Предание», ибо оно включает в себя и Писание, и таинства, и всю полноту общения Церкви с Богом). Революционеры христианства, в отличие от его реформаторов, как раз и выступали за опору на Писание, очищенное от всяческих «преданий» пятнадцати веков. В этом смысле наследниками радикалов Реформации со всей очевидностью выступают баптисты и пятидесятники, которых ныне именуют неопротестантами.

И вот здесь мы позволим себе не согласиться с Макгротом – даже радикальные протестанты все равно были не в состоянии последовательно провести тезис *Sola Scriptura*, поскольку последовательно провести его просто нельзя. Все равно и у этих групп появлялось нечто подобное символическим книгам исповеданий «умеренной» Реформации, а дальше – свои догматики, свои вероучительные авторитеты и т.д. Надо же было как-то объяснить, чем твое понимание христианства отличается от других, и противостоять полной анархии трактовок Библии. Т.е. неизбежно возникло свое предание – у адвентистов этот принцип выражен особенно ярко в связи с приданием особого статуса сочинениям Елены Уайт [6]. А «магистерские» реформаторы (Лютер, Кальвин и т.д.) в своей борьбе с католичеством и радикальным протестантизмом были вынуждены не только конструировать предание собственных конфессий, основанное как на их личном наследии, так и на «согласии Отцов» их Церкви, но и частично опираться на Предание Церкви. Надо было запастись более прочным фундаментом и попытаться показать, что вожди Реформации заимствовали свои доктрины у неискаженной Церкви прошлого – т.е. они не являются сектантами, а только продолжают веру отцов. Макграт утверждает, что Лютер и Кальвин часто обращались к Отцам Церкви как толкователям Библии. Тем самым они стремились подчеркнуть, что не придумывают ничего нового, не являются сектантами и раскольниками, а напротив, – продолжают следовать «здоровому течению» в Церкви, которое всегда отражало библейское богословие. И главным Отцом Церкви тут, безусловно, был Августин, ибо его доктрина предопределения имела сходство с протестантской доктриной. Вожди Реформации, видимо, полагали, что Отцы Церкви создавали богословие, основанное только на Библии, как и они сами [5, с. 180-181].

В последнем случае реформаторы были наиболее близки к традиционной точке зрения, обращаясь напрямую к Преданию Церкви. Однако богословские проблемы были и здесь – во-первых, потому что часто сводили Предание к одному лишь Августину, из которого, однако, черпали только то, что подходило под их собственные доктрины, и отвергали при этом мнение других Отцов, особенно восточных (скажем, Августин не учил «оправданию по вере»); во-вторых, потому что понимали Предание лишь как сборник текстов Отцов Церкви и у самих Отцов тщетно искали учения об опоре на один только текст Библии, не понимая, что Предание – это живое общение Церкви с Богом – в таинствах, в самой жизни святых. Но вожди Реформации отвергали традиционное учение о святости, заключающееся в сотрудничестве свободной воли человека и божественной благодати, формулируя принцип предопределения, согласно которому сам человек не участвует

в обретении святости – он совершенно пассивен при воздействии божественной благодати [9]. Святости Отцов Церкви они фактически противопоставили собственную святость.

Что же касается Церкви, то православный митрополит Антоний Сурожский, формулируя святоотеческое восприятие Писания и Предания, утверждал, что Церковь должна жить в Боге так, чтобы она могла сама написать Библию, исходя из этого опыта, а не просто повторять ее, и пересказывать другим. Иначе это не истинная Церковь. Митр. Антоний проводит сравнение такой неистинной Церкви с почтальоном, который приносит чужие письма. Но для православия этого слишком мало. Церковь, ее верующие – должны быть божественным откровением, сами своей жизнью являть Бога, а не просто информировать, как о Боге сказано в Библии [1, с. 959-960].

В этом-то и главное различие с протестантами: опыт общения с Богом делает нас Церковью, а не просто слова о том, как кто-то когда-то общался с Богом. В **заключение** мы можем констатировать, что уже ранние протестанты осознали необходимость, наряду с подчеркиванием авторитета Писания, наличие богословской, и шире – духовной традиции, жизнь в которой позволяет любому верующему найти в Писании необходимые для спасения истины. В самом деле, если мы возьмем для примера Лютеранскую церковь, то увидим, что наряду со ссылками на Писание там обязателен авторитет Книги Согласия, куда входят лютеранские символические тексты XVI века, в том числе и произведения самого Лютера. Собрание сочинений Лютера довольно быстро (и по сию пору) становится для лютеран одним из главных авторитетов. Кроме того, лютеранская литургическая традиция с причастием во главе становится для лютеранина важным условием спасения. А лютеранская литургия – это, по сути, усеченная версия католической мессы, измененная в соответствии с новой, протестантской догматикой. Следовательно, отвергая католическое Предание, лютеране конструируют свое предание, обнажая внутреннюю противоречивость принципа *Sola Scriptura*, и в итоге мы наблюдаем, что конфликт протестантизма и католичества, протестантизма и православия – это не конфликт Писания и Предания, а конфликт разных преданий. Только в православном случае речь идет об опыте богообщения в течение 20 веков, а в лютеранском значительная часть этого опыта до XVI века – категорически отвергается, ибо истинный опыт богообщения они начинают с Лютера.

Список источников

1. **Антоний Сурожский, митрополит.** Труды. М.: Практика, 2002. 1002 с.
2. **Аугсбургское вероисповедание** [Электронный ресурс]. URL: http://www.soluschristus.ru/biblioteka/kniga_soglasiya/kniga_soglasiya_veroispovedanie_i_uchenie_lyuteranskoj_cerkvi/augsburgskoe_veroispovedanie/ (дата обращения: 24.02.2019).
3. **Лютер и Священное Писание** [Электронный ресурс]. URL: <http://www.word4you.ru/publications/17100/> (дата обращения: 24.02.2019).
4. **Лютер М.** К христианскому дворянству немецкой нации об исправлении христианства [Электронный ресурс]. URL: http://www.gumer.info/bogoslov_Buks/protestant/lyuter/15.php (дата обращения: 24.02.2019).
5. **Макрат А.** Богословская мысль реформации. Одесса: Богомыслие, 1994. 240 с.
6. **Официальные заявления, рекомендации и другие документы Церкви Адвентистов Седьмого Дня.** Заокский: Источник жизни, 2010. 384 с.
7. **Пройз Р.** Введение в Формулу Согласия. Мн.: Фонд «Лютеранское наследие», 2000. 128 с.
8. **Фишер К.** Век Реформации и проложенный ею ход развития новой философии // Лютер М. О свободе христианина: сборник. Уфа: ARC, 2013. С. 613-647.
9. **Формула Согласия. Конспективное изложение** [Электронный ресурс]. URL: http://www.soluschristus.ru/biblioteka/kniga_soglasiya/kniga_soglasiya_veroispovedanie_i_uchenie_lyuteranskoj_cerkvi/formula_soglasiya_konspektivnoe_izlozhenie/ (дата обращения: 24.02.2019).
10. **Хегглунд Б.** История теологии. СПб.: Светоч, 2001. 468 с.

SOLA SCRIPTURA PRINCIPLE IN EARLY PROTESTANTISM

Matakov Konstantin Anatol'evich, Ph. D. in Philosophy, Associate Professor
Bryansk State Academician I. G. Petrovski University
matakow@yandex.ru

The article reveals the essence of the *Sola Scriptura* principle in the theology of early Reformation. The author points out that this principle represented critical attitude to Catholic understanding of the ecclesiastical tradition and the Bible's dominant role in Protestantism. However, it should be noted that the major Reformation theologians, accentuating the Scripture's importance, at the same time emphasized the role of the ecclesiastical norm and liturgical tradition while interpreting the Holy Scripture, and, consequently, created their own Protestant tradition. Thus, the *Sola Scriptura* principle turned out to be inherently contradictive.

Key words and phrases: Protestantism; Reformation; theology; church; Scripture; Catholicism; religion.